

Исторические анекдоты о графе Дмитрии Ивановиче Хвостове

1.

Дмитрий Иванович Хвостов, первый и предпоследний граф сего имени (ибо пожилой сын его, вероятно, не женится), был известен всей читающей России. Для знаменитости, даже в словесности, великие недостатки более нужны, чем небольшие достоинства. Когда и как затеял он несколько поколений смешить своими стихами, я этого не знаю; знаю только понаслышке, что в первой и последующих за нею молодостях, лет до тридцати пяти, слыл он богатым женихом и потому присватывался ко всем знатным невестам, которые с отращением отвергли его руку. Наконец пришлось по нём одна княжна Горчакова, которая едва ли не столько же славилась глупостью, как родной дядя её Суворов — победами. Этот союз вдруг поднял его: будучи не совсем молод, неблагообразен и неуклюж, пожалован был он камер-юнкером пятого класса — звание завидуемое, хотя обыкновенно оно давалось восемнадцатилетним знатным юношам. Это так показалось странно при дворе, что были люди, которые осмелились заметить о том Екатерине. «Что мне делать, — отвечала она, — я ни в чём не могу отказать Суворову: я бы этого человека сделала фрейлиной, если б он этого потребовал».¹

Горчакова
Суворов

Екатерина II

2.

Хвостов сказал: «Суворов мне родня, и я стихи плету». — «Полная биография в нескольких словах, — заметил Блудов, — тут в одном стихе всё, чем он гордиться может и стыдиться должен».²

Блудов

3.

...Стихотворение, конечно, войдёт в новое ежегодное издание графских творений, печатаемых книгопродавцем Иваном Васильевичем Слениным, с похвальными предисловиями таланту графа Дмитрия Ивановича, на деньги, отпускаемые графскою конторою по аптекарским счетам quasi-издателя Сленина, преисправно набивающего себе при этом карман. Процесс этого курьёзного и бесцеремонного карманонабивания Слениным очень прост: во-первых, он черпает из домовою графскою конторы денег на потребности издания гораздо больше, чем сколько действительно издерживается на издание, а во-вторых, ему же, Сленину, поручается скупать на счёт хозяина все оставшиеся в книжных лавках экземпляры, причём за труд ему отходит порядочный куш. Сленин, конечно, не сжигает эти книги, что было бы не по-коммерчески, а по весьма недорогой цене с пуда продаёт на оклейку стен обоями малярных дел мастерам.³

Сленин

¹Русские мемуары: 1800—1825. — М., 1989. — С. 477.

²Вяземский, П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский // Вяземский, П. А. Полное собрание сочинений / П. А. Вяземский. — СПб., 1883. — Т. 8. — С. 125.

³Бурнашев, В. П. Воспоминания об А. Е. Измайлове / В. П. Бурнашев // Дело. — 1874. — Апрель. — С. 167.

4.

Межаков

Георгиевский
Милонов

В 1820 году зимою проживал в Петербурге вологодский помещик и поэт тогдашнего закала с обращениями к луне, к лазоревым очам, к утраченным наслаждениям и прочему, Павел Александрович Межаков. Он давал обеды, вечера и ужины всем тогдашним литературным корифеям столицы, которые у него ели, пили и читали свои произведения. На эти «межаковские литературные вечера», в числе прочих, являлся и граф Д. И. Хвостов с пучком стихов и обыкновенно с двумя или тремя своими чтецами, премьером которых, конечно, был его любезный Георгиевский. Раз, в то время, когда всё общество шло к ужину, явился славившийся в то время, а теперь почти совершенно забытый стихотворец Милонов, отличавшийся крайнею невоздержанностью к спиртным напиткам. К горю чопорного хозяина-амфитриона, этот пиит явился в опьянённом и сильно экзальтированном состоянии. Он требует себе стакан воды, но вместо воды выпивает залпом две рюмки кюммеля, делая вид, что принимает хмельной напиток за невскую воду. Он за столом помещается против графа и начинает неумеренно восхвалять добродетели сиятельного стихотворца, сравнивая его, по сердечным свойствам, с добродетельнейшими людьми древнего мира. При этом Милонов, водя глазами вокруг, заявляет, что он готов стреляться с каждым, кто дерзнул бы не разделить это мнение. Тогда граф с сконфуженным видом говорит через стол Милонову, что он заставляет его краснеть и что вообще он не любит похвал себе. «Ну, так я удовлетворю скромности Вашего Сиятельства, — восклицает пьяный стихотворец, — и заставлю вас побледнеть!» И в самом деде, граф скоро сделался ни жив ни мёртв, страшно побледнел, чуть не упал в обморок, потому что Милонов принялся на чём свет стоит поносить все его стихотворения, из которых, владея необыкновенною памятью, наизусть приводил цитаты и едко их осмеивал с прибавкою множества совершенно непечатных выражений. Хозяин не знал, куда ему деться, был в отчаянии и остался очень доволен тем, что граф, ссылаясь на позднюю пору и головную боль, уехал до окончания ужина, не дождавшись в ту пору обычного пирожного, которое сверху пылало синим пламенем, содержа в себе ванильное мороженое, и называлось «Везувий на Монблане». Милонов дождался «Везувия», не коснувшись «Монблана», захватил ложкою плававшего араку и затем свалился под стол.¹

5.

Крылов

Летом 1822 года И. А. Крылов с тогдашним закадычным приятелем своим М. С. Шулепниковым, печатавшим бездну стихов, довольно остроумных, под псевдонимом «Усольца», нанимал дачу на петергофской или нарвской дороге, очень недалеко от городской черты. К ним почти каждый вечер собирались литераторы, большею частью масоны разных лож, кажется, в то время ещё существовавших открыто. Распорядителем этих собраний, где угощение совершалось вскладчину всеми гостями-братьями, был И. А. Крылов, прозванный друзьями «Соловьём». Граф Дмитрий Иванович, пронюхав об этих сборищах, члены которых читали свои произведения, настроил огромную оду под заглавием «Певцу-Соловью» и поехал на дачу; в этот день там был между прочими гостями и В. А. Жуковский. Граф был впущен в залу собрания после того, как он формально объявил о своём желании быть членом общества и внёс, в качестве члена, на общественные издержки 25 рублей. Затем граф попросил позволения прочесть оду свою «Певцу-Соловью». «Сколько строф или куплетов?» — спросили его. «Двадцать», — отвечал он и стал читать. Только что окончил он первую строфу, как раздались рукоплескания. Он хотел начать вторую, но ему не дали читать и продолжали аплодировать. Граф сконфузился. Один из членов объяснил ему, что если при чтении аплодируют, то читающий должен, по уставу, купить бутылку шампанского (которое продавалось тогда не дешевле 10 р. ассигнациями за бутылку). Таким образом, эта «поэтическая экскурсия» обошлась графу в каких-нибудь 200 рублей ассигнациями, и он закаялся ездить на дачу петергофской дороги, где хозяйничал «Певец-Соловей» —

¹Бурнашев, В. П. Воспоминания об А. Е. Измайлове / В. П. Бурнашев // *Дело*. — 1874. — Апрель. — С. 168—169.

«разбойник», как тихомолком впоследствии он называл этого хозяина, так негостеприимно обратившегося со своим воспевателем.¹

6.

В 1822 году Булгарин издавал свой «Северный Архив» и в это самое время, познакомившись с графом Хвостовым и имея дело, производившееся в Сенате, просил графа замолвить слово, с передачей записки, какому-то влиятельному сенатору. Граф исполнил желание Булгарина и сказал ему, что он рад всё для него сделать. «Пожалуйста, — прибавил он, — по этому поводу не стесняйтесь и не церемоньтесь. Если пришлют к вам какие-нибудь на меня критики, — печатайте; я не буду в претензии». — «А похвалы, Ваше Сиятельство, дозволите также печатать?» — спросил вкрадчиво Булгарин. «Лишь бы справедливые», — заметил граф. Булгарин в этот день возвратился к себе на квартиру почти ночью, — он обедал в гостях и провёл вечер в театре. Ему подают пакет, он распечатывает и находит панегирик произведениям графа Хвостова в самой бурсацкой прозе с собственноручными поправками его сиятельства.²

Булгарин

7.

«А знаете ли вы, — спросил у меня Шулепников, — стихи графа Д. И. Хвостова, которые он в порыве негодования за какое-то сатирическое замечание, сделанное ему Крыловым, написал на него?» — «Нет, не слыхал», — отвечал я. «Ну, так я вам прочитаю их, не потому, что они заслуживали какое-нибудь внимание, а только для того, чтоб вы имели понятие о сатирическом таланте графа. Всего забавнее было, что он выдавал эти стихи за сочинение неизвестного ему остряка и распускал их с видом сожаления, что есть же люди, которые имеют несчастную склонность язвить таланты вздорными, хотя, впрочем, и *очень остроумными* эпиграммами. Вот эти стишонки:

Крылов

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диван,
Как будто неотёсанный
Какой-нибудь чурбан.
Лежит совсем разбросанный
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?

Крылов тотчас же угадал стихокропателя: „В какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь“, — сказал он и отместил ему так, как только в состоянии мстить умный и добрый Крылов: под предлогом желанья прослушать какие-то новые стихи графа Хвостова, напросился к нему на обед, ел за троих и после обеда, когда Амфитрион, пригласив гостя в кабинет, начал читать стихи свои, он без церемоний повалился на диван, заснул и проспал до позднего вечера».³

8.

Кёниг в своих «Очерках русской литературы»⁴ <...> говорит, что Крылов в отношении своих к графу Хвостову уподоблялся этой Лисице; он долго и терпеливо выслушивал его стихи, похваливал их, а потом «у довольного графа выпрашивал займы денег». К такому

Кёниг
Крылов

¹Бурнашев, В. П. Воспоминания об А. Е. Измайлове / В. П. Бурнашев // Дело. — 1874. — Апрель. — С. 169—170.

²Бурнашев, В. П. Воспоминания об А. Е. Измайлове / В. П. Бурнашев // Дело. — 1874. — Апрель. — С. 170—171.

³Жихарев, С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. — М.—Л., 1955. — С. 360—361.

⁴См.: Кёниг, Г. Очерки русской литературы / Г. Кёниг. — СПб., 1862. — С. 67—68. Рассказ Кёнига о том, как Крылов, слушая Хвостова, «вместо назидания извлекал из басен его денежную пользу», не может восходить к анекдоту, напечатанному Д. Н. Бантыш-Каменским много позднее.

рассказу, ничем не подтверждающемуся, Кёнигу, вероятно, подал повод следующий анекдот, рассказанный Бантышом-Каменским со слов Дмитрия Ивановича Языкова,¹ слышавшего его от самого Крылова. Однажды пришёл к последнему (И. А. Крылову) приятель его Ок.<ладников> и уговорил Крылова отправиться вместе к графу Хвостову. Посещение их чрезвычайно обрадовало неумолимого стихотворца. «Садитесь, господа, — сказал он в кабинете, — я прочту вам новое своё произведение». — «Нет, не сядем, — отвечал Ок., — пока не ссудишь ты меня двумястами рублями». Хвостов отговаривался. «Прощай», — сказал Ок. с досадою и пригласил Крылова последовать его примеру. «Останьтесь, выслушайте! — сказал хозяин с ещё большим неудовольствием, — право, не будете раскаиваться». — «Дай двести рублей, — продолжал Ок., — останемся». — «Дам, но выслушайте наперёд». — «Нет, брат, не проведёшь: дай двести рублей, а там читай, сколько тебе будет угодно». — «И вы останетесь у меня, будете слушать?» — «Останемся и будем слушать». Деньги отсчитаны, гости уселись у окна, близ двери, хозяин начал чтение с жаром, свойственным поэтам. Долго продолжалось оно. Выведенный из терпения Ок. сказал на ухо Крылову: «Уйдём, право, нет сил!» Крылов советовал дожидаться конца. Ок. удалился потихоньку, потом Крылов; но последний, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки. «Не правда ли, друзья, — произнёс наконец стихотворец, прервав своё чтение, — что это стих гениальный! — и, не слыша ответа, оглянувшись, вскрикнув с сердцем: — Ах, проклятые, они ушли!» Тогда Крылов бросился бежать, не оглядываясь назад.²

9.

Граф Хвостов любил посылать, что ни напечатает, ко всем своим знакомым, тем более к людям известным. Карамзин и Дмитриев всегда получали от него в подарок его стихотворные новинки. Отвечать похвалою, как водится, было затруднительно. Но Карамзин не затруднялся. Однажды он написал к графу, разумеется, иронически: «Пишите! Пишите! Учите наших авторов, как должно писать!» Дмитриев укорял его, говоря, что Хвостов будет всем показывать это письмо и им хвастаться; что оно будет принято одними за чистую правду, другими за лесть; что и то, и другое нехорошо.

— А как же ты пишешь? — спросил Карамзин.

— Я пишу очень просто. Он пришлёт ко мне оду или басню; я отвечаю ему: «Ваша ода, или басня, ни в чём не уступает старшим сёстрам своим!» Он и доволен, а между тем это правда.³

10.

Преданный страсти к славолюбию и известности, граф Хвостов из чувства первого и ради последней, по дороге к его деревне (село Талызино в Симбирской губернии), по которой он часто ездил, дарил свои сочинения станционным зрителям с непременным условием, однако ж, вынуть из книги его портрет и украсить им стену, поместив под портретом царствующего императора, находившимся на каждой станции.⁴

11.

Нет того плохого стихокропателя, у которого не встретилось бы нескольких стихов, достойных памяти. Такие три стиха отысканы даже у графа Д. И. Хвостова. Например:

1. Потомства не страшись — его ты не увидишь!
2. Выкрадывать стихи — не важное искусство.

¹См.: *Бантыш-Каменский, Д. Н.* И. А. Крылов / Д. Н. Бантыш-Каменский // *Библиотека для чтения*. — 1845. — Т. 69, отд. 3. — С. 11.

²*Кеневич, В. Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова / В. Ф. Кеневич. — 2 издание. — СПб., 1878. — С. 19—20.

³*Бурнашев, В. П.* Наши чудодеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 273.

⁴*Бурнашев, В. П.* Наши чудодеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 273—274.

3. Украдь Корнелев дух, а у Расина чувство!

А. Ф. Воейков, этот злой и ехидный зоил, говаривал всегда, когда у графа Хвостова случался порядочный стих: «Это он так, нечаянно промолвился».¹

Воейков

12.

Однажды в Петербурге граф Хвостов долго мучил у себя на дому племянника своего Ф. Ф. Кокошкина (известного писателя) чтением ему вслух бесчисленного множества своих виршей. Наконец Кокошкин не вытерпел и сказал ему:

Кокошкин

— Извините, дядюшка, я дал слово обедать, мне пора! Боюсь, что опоздаю; а я пешком!

— Что же ты мне давно не сказал, любезный! — отвечал граф Хвостов, — у меня всегда готова карета, я тебя подвезу!

Но только что они сели в карету, граф Хвостов выглянул в окно и закричал кучеру: «Ступай шагом!», — а сам поднял стекло кареты, вынул из кармана тетрадь и принялся снова душить чтением несчастного запертого Кокошкина.²

13.

В Летнем саду, обычном месте своей прогулки, граф обыкновенно подсаживался к знакомым и незнакомым и всех мучил чтением этих стихов до того, что постоянные посетители сада всеми силами старались улизнуть от его сиятельства. Достоверно известно, что граф Хвостов нанимал за довольно порядочное жалование в год, на полном своём иждивении и содержании, какого-нибудь или отставного, или выгнанного из службы чиновника, все обязанности которого ограничивались слушанием или чтением вслух стихов графа. В двадцатых годах таким секретарём, чтецом и слушателем у графа <...> был некто отставной ветеринар, бывший семинарист Иван Иванович Георгиевский. Он пробыл несколько лет у графа, благодаря только своей необыкновенно сильной, топорной комплекции; другие же секретари-чтецы графа, несмотря на хорошее жалование и содержание, более года не выдерживали пытки слушания стихов; обыкновенно кончалось тем, что эти бедняки заболели какой-то особенною болезнью, которую Н. И. Греч, а за ним и другие петербургские шутники называли «метрофобией» или «стихофобией».³

Георгиевский

14.

Более удачные из произведений графа Хвостова не пользовались его авторской любовью. Он питал её к тем из своих стихотворений, которые кто-то очень удачно называл «высокой галиматьёю» (*sublime du galimatias*).⁴ К числу этого рода виршеизвержений графа Дмитрия Ивановича принадлежат в особенности изданные им в 1830 году стихи: «Холера-Морбус». Они напечатаны были в большую четвёрку *in quarto* и заключали в себе ряд ужасающих стихотворных невозможностей. Они были изданы в пользу пострадавших от холеры. Тогдашние газеты, в особенности «Северная Пчела» Греча и Булгарина, подтрунивали над этим великодушным даром его сиятельства и давали прозрачно чувствовать и понимать, что если граф сам не скупит всех экземпляров, продававшихся по рублю... то пострадавшие от холеры не увидят этих денег, как своих ушей.

Булгарин

На этот раз вышло иначе, чем обыкновенно случалось с изданиями графа, то есть что из публики их никто не покупал и они оставались бы навсегда в книжных лавках, если бы их не скупали секретные агенты графа, секрет которых, впрочем, был шит белыми нитками, почему всех этих агентов графа книгопродавцы знали в лицо, как свои пять пальцев. Напротив, к великому удивлению автора, книгопродавцев и публики, посвящённой в тайну чудака-графа, его стихотворение «Холера-Морбус», отпечатанное в количестве

¹ Анекдоты из жизни Пушкина. — М., 1899. — С. 1.

² Бурнашев, В. П. Наши чудоеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 275.

³ Бурнашев, В. П. Наши чудоеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 14—15.

⁴ Галиматья высшей пробы. (Фр.) — Ред.

2 400 экземпляров, дало в пользу благотворения более 2 000 рублей, разумеется, как тогда считали, ассигнационных, что, при тогдашней ценности денег, составляло порядочную сумму. Эти деньги поступили в попечительный холерный комитет, находившийся под председательством тогдашнего генерал-губернатора (тогда ещё не графа) Петра Кирилловича Эссена (о котором русские солдаты говорили: «Эссен умом тесен»). Граф Хвостов, восхищённый этим успехом, поспешил препроводить к графу Эссену ещё тысячу рублей, при письме, в котором упоминалось, что «Бог любит троицу, эта третья тысяча препровождается к господину главно-начальствующему в столице». Но, на беду, старик граф Дмитрий Иванович не вытерпел и нафаршировал письмо своими стихами. Такой официально-поэтический документ поставил Петра Кирилловича Эссена в тупик, в каковой, впрочем, его превосходительство сплошь да рядом становился. Говорили, что генерал-губернатор, возмущаемый тем, что официальное отношение написано в стихах, хотел было отослать обратно и деньги с просьбою прислать его при отношении по форме. Но его правитель канцелярии, петербургская знаменитость того времени, действительный статский советник Оводов, которому Пётр Кириллович, хоть и православный немец, плохо произносивший по-русски, всегда рекомендовал «зудить» (вместо «судить») по законам, — дал своему принципалу благой совет принять деньги, хотя они и присланы при стихотворном письме, которое, однако ж, несмотря на массу разных рифм, представляет чистейшую прозу. Письмо графа было тотчас занесено во входящий реестр и, как следует, занумеровано журналистом генерал-губернаторской канцелярии.¹

15.

На вопрос графа: «Читали ли вы моё стихотворение „Холера-Морбус“, каждый спешил отвечать: «Как же, читал», зная, что в случае отрицательного ответа граф тотчас же стал бы читать те места, какие сам считал превосходнейшими, заставив своего спутника-секретаря взять от одного из следовавших за ними по пятам лакеев-гайдуков экземпляр этого творения, везде носимого графом, и держать перед ним, пока он читает. Такой ответ вместе и радовал и огорчал графа: радовал потому, что такая известность его произведения льстила его самолюбию; огорчал оттого, что не находил слушателя в то время, как его сильно подмывало читать свои стихи и упиваться звучностью рифм — он всегда утверждал, что рифмы его звучны.

Нашёлся, однако ж, юноша, известный теперь под именем старосветского петербуржца и подписывающий свои «Петербургские воспоминания» буквами В.<ладимир> Б.<урнашев>, который поступил иначе. Этому юноше в то время было всего семнадцать лет; по тогдашним понятиям он был мальчик, находившийся, однако ж, на действительной службе, хотя ему гораздо естественнее было бы слушать лекции университетских профессоров. Этот-то свеженький белокурый мальчик попался в старческие когти графа-метромана, и попался потому, что на стереотипный вопрос графа, читал ли его новое творение, не нашёлся сказать решительно, что читал уже знаменитые стихи на холеру, а спроста брякнул, что ещё не читал; этот ответ ввёл его в большую беду. Надо сказать, что этот юноша в ту пору, кроме канцелярской службы, был сотрудником, — разумеется, *сop amoge*,² так как тогда об ином сотрудничестве никто и не помышлял, — маленькой воскресной французской бомондной газетки «*Figet*» («Хорёк»), издававшейся молодым ещё человеком французом Сен-Жульеном. В этой газетке наш В. Б., между прочим, печатал свои *comptes rendus*³ о тогдашней текущей литературе и журналистике. Известность этих литературных на французском диалекте отчётов дошла, к беде В. Б., и до известного, плодовитейшего стихокропателя, маститого графа Дмитрия Ивановича Хвостова, печатными виршами которого всегда битком набиты были карманы его светло-серого с анненскою звездой фрака, испачканного на воротнике сзади пудрой, а спереди табаком, так и карманы двух сопровождающих его сиятельство гайдуков в синих ливреях с малиновыми воротниками и обшлагами, покрытых

¹ *Бурнашев, В. П.* Наши чудоеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 10—11.

² По любви. (Ит.) — *Ред.*

³ Отчёты. (Фр.) — *Ред.*

золотыми широкими галунами. Из этих-то резервуаров маленький, сгорбленный, сухощавый старичок, сморщенный, как печёное яблоко, потрясавший свою густо напудренную голову, постоянно извлекал массы своих стихотворных брошюр и листков, издававшихся им на все возможные и почти невозможные случаи...

Но возвратимся к злосчастному В. Б., попавшемуся в Летнем саду графу. Как ни лавировал он, но отделаться от стихомана не мог. Старец замучил его своими стихами, отзываясь при этом с восторгом (разумеется, поддельным) об его статьях во французском листке «Le Furet» и приглашая к себе в гости...

В одно утро, в воскресенье после обедни, перед зеленовато-табачного цвета (как и теперь) домиком с мезонином Глотова остановилась светло-голубая карета, запряжённая гнедо-пегой четвёркой цугом с форейтором на передней правой уносной лошади. Два ливрейных лакея в синих сюртуках с малиновыми воротниками и обшлагами, с золотыми галунами на треугольных шляпах и капюшонах, соскочили с запяток. Один стал у дверей лазоревой кареты, другой вошёл во дворец и направился по деревянной лестнице в мезонин. Он подал В. Б. визитную карточку графа со словами, написанными на ней красными чернилами: «Не откажите, молодой писатель (хорош писатель — 17 лет!), потешьте старца, поезжайте с ним к нему на дом теперь же. Граф Дм. Хвостов». Отнекиваться было уже невозможно, и злосчастный В. Б., накинув шинель и взяв шляпу, поехал в графской карете вместе с его сиятельством...

Дома граф не мог утерпеть, чтобы не прочесть ему стихотворений, только что написанных им, в чём удостоверила свежесть чернил. Перед окончательным распрощанием добрый старичок взял с своего юного слушателя слово, что он будет у него скоро, и при этом, спросив: «А вы, мой юный друг, имеете мою „Холеру-Морбус“?» и получив отрицательный ответ, тотчас присел к столу и что-то собственноручно настроил своими крайне некаллиграфическими каракулями. Затем, встав от стола, граф снабдил своего гостя экземпляром своей «Холеры-Морбус», изданной в виде тетради in quarto...

При выходе на улицу В. Б., в те годы плативший дань светским весёlostям, вспомнив, что ему в этот вечер предстоял балик, на который немислимо было явиться в цветных перчатках, зашёл за палевыми перчатками в знакомый ему модный магазинчик г-жи Дювилле на Невском проспекте, против Гостиного двора, в доме Рогова. Взяв перчатки и не зная, куда деваться с хвостовским свёртком, отправляясь обедать в гости, В. Б. оставил в магазине этот свёрток с печатными стихами о холере и рукописным посвящением, сказав, что если завтра он не зайдёт мимоходом, возвращаясь из своего департамента, за эту огромную, напечатанную на веленовой бумаге тетрадишею, то хозяева магазина вправе en faire des choux et des raves,¹ то есть сделать всё, что им заблагорассудится.

Через пять или шесть дней после этого случая В. Б. получил от графа Дмитрия Ивановича записку с приглашением его на следующий вечер чаю откусать. Забыв совершенно о существовании стихотворной печатной тетрадиши с лестным на ней сиятельным посвящением, он отправился в Сергиевскую, где был принят, надо правду сказать, с распростёртыми объятиями и за серебряным самоваром угощён несколькими чашками (в это время в стаканах пили чай только караульные офицеры на гауптвахтах) хорошего чая со сливками и вдобавок ещё с отличными домашними печеньями...

Граф стал очень любезно говорить своему молодому гостю о стихах, какие он ему подарил в воскресенье на той неделе со своим посвящением. Платя дань вежливости, но не правде, В. Б. отвечал, что это сочинение занимает первое место в его библиотеке, а посвящение, начертанное рукою автора, приводит в восхищенье его родных. Но тут юноша был жестоко наказан за свою бесстыдную ложь, потому что граф Дмитрий Иванович, хотя и несносный маньяк с своим несносным стихотворством, был вполне светским и порядочным человеком. С любезной усмешкой он сказал юному В. Б.: «Видно, у вас, в Петербурге, возобновились чудеса Калиостро. Вы, молодой человек, говорите, что тетрадь эта у вас на квартире, а между тем она очутилась у меня здесь». И он подал гостю эту злополучную тетрадь, вынув её из выдвижного ящика старинного переддиванного стола. В. Б. готов был провалиться сквозь землю и покраснел, как маков цвет. Дело объяснилось тем, что графиня

¹Буквально: делать из неё хоть репу, хоть капусту. (Фр.) — *Ред.*

Татьяна Ивановна купила какую-то материю в магазине Дювилье, и товар этот, разумеется совершенно безнамеренно, завернули в знаменитую тетрадь. Граф поручил переплётчику разгладить эту тетрадь, но не отдал её виновному В. Б. обратно, говоря, что отдаст её только после того, как В. Б. подарит его не одним, а многими своими посещениями.¹

16.

Граф Дмитрий Иванович любил жертвовать экземпляры своих стихотворений многими сотнями экземпляров, воображая, что пожертвования эти принесут пользу нравственную. Но выходило часто, что эти экземпляры получали назначение, далеко не способствовавшее делу просвещения. Так, например, граф пожертвовал несколько сот экземпляров своей поэмы на наводнение 1824 года, под названием: «Потоп Петрополя 7-го ноября 1824 года», в пользу Российской Американской Компании. Все эти экземпляры были правлениями компании отосланы на остров Ситху для делания патронов.²

17.

Суворов

Светлейший князь Суворов очень часто в своём интимном кругу жаловался на мономанию мужа своей племянницы и говаривал ей: «Танюша, ты бы силою любви убедила твоего мужа отказаться от его несносного стихоплётства, из-за которого он уже заслужил от весьма многих в столице прозвище Митюхи Стихоплётова!» И сам Суворов не раз обращался к Хвостову с увещаниями; обратился он к мономану-стихотворцу с предсмертным увещанием, когда в мае месяце 1800 года, по возвращении из Италии, умирал в Петербурге, в Коломне, в доме Фоминой, в квартире графа и графини Хвостовых.

Лёжа на смертном одре, Суворов давал предсмертные наставления и советы близким к себе людям, которые входили к нему в спальню поодиночке на цыпочках и оставались несколько минут в присутствии духовника и исторически знаменитого камердинера Прошки. Когда вошёл к умиравшему дяде Хвостов, в ту пору ещё сорокадвухлетний свежий мужчина, но, кажется, уже сенатор, и стал на колени, целуя почти холодную руку умиравшего, Суворов сказал ему:

— Любезный Митя; ты добрый и честный человек! Заклинаю тебя всем, что для тебя есть святого, брось твоё виршеслагательство, пиши, уже если не можешь превозмочь этой глупой страстишки, стишонки для себя и для своих близких; а только отнюдь не печатайся, не печатайся. Помилуй Бог! Это к добру не поведёт: ты сделаешься посмешищем всех порядочных людей.

Граф Дмитрий Иванович плакал, и вышел, поцеловав руку умиравшего, который велел ему позвать его жену, то есть свою племянницу Татьяну Ивановну. Когда Хвостов возвратился в залу, где ожидали много мужчин и женщин, интересовавшихся состоянием здоровья князя Итальянского, которому оставалось только несколько часов жизни, знакомые и родные подошли к Хвостову с расспросами.

— Увы! — отвечал Хвостов, отирая платком слёзы, — хотя ещё и говорит, но без сознания, бредит!³

18.

Канкрин

Главным местом, которое избрал граф Хвостов для нападений на неопытных людей, был, как известно, Летний сад, где в Петровском дворце жила летом тогдашний министр финансов, граф Егор Францевич Канкрин. Надоедал и ему Хвостов своими стихотворениями, так что граф Канкрин, с своим откровенным простодушием, не лишённым, однако, насмешливости, решил раз навсегда отделаться от поэтических атак графа Дмитрия Ивановича. Однажды в Летнем саду, при нескольких лицах, именно при А. Я. Дружинине, Ф. П. Вронченко и Н. И. Серове, граф Канкрин своим зычным голосом сказал Хвостову:

¹Бурнашев, В. П. Наши чудодеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 12—20.

²Бурнашев, В. П. Наши чудодеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 32.

³Бурнашев, В. П. Наши чудодеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 35—36.

— Фаши стихи, фаше сиятельство, граф Тмитрий Ифаныч, так префосходны, што са-стафляют меня самого пропофать писать такие же стихи, шрес што я софершаю косудар-ственное преступление, уклоняясь от моих опязанностей престолу и отешеству. А потому я финушден пуду кататайствовать фисочайшее повеление сапретить фам, краф, шитать мне фаши пленительные стихи!

Граф Дмитрий Иванович был далеко не глуп; но страсть к своим виршам в нём была до того сильна, что он не понял насмешливой шутки Канкрина и всем её рассказывал, дав, однако, себе слово не отвлекать государственного человека от его занятий, которыми он обязан был по присяге престолу и отечеству. Таким образом, Канкрин был застрахован от чтения стихов Хвостова или «хвостовщины».¹

19.

Щедрость обоих, и мужа, и жены (Д. И. и Т. И. Хвостовых), нисколько не умаляла состояния этой четы добрых, хотя и карикатурных Филемона и Бавкиды Сергиевской улицы. Однако ж иногда они нуждались в деньгах, когда управители замедляли высылку доходов... Такую невзгоду старосветские старички переносили шутя; огорчало их только то, что в такой момент им приходилось несколько затягивать шнурки кошелька (тогда о портмоне ещё понятия не имели) и отказывать себе в удовольствии помогать беднякам и оказывать дружеские услуги приятелям, к числу которых, предпочтительно перед многими, принадлежал Ив. Андр. Крылов. Он раз обратился к графу именно в минутку «затяжки шнурков».

Крылов

Страдая безденежьем, граф Дмитрий Иванович предложил Ивану Андреевичу вместо денег, налицо не имевшихся, только что изготовленные для продажи 500 полных экземпляров своего собрания стихотворений в пяти томах, 1830 года.

— Возьмите, Иван Андреевич, всё это добро на ломового извозчика, — говорил Хвостов, — и отвезите Смирдину, с которым вы находитесь в хороших отношениях. Я продаю экземпляр по 20 р. ассигнациями; но, куда ни шло, для милого дружка — серёжка из ушка, отдайте всё это Александру Филипову сыну (то есть Смирдину, которого так иногда в шутку называли), для скорости, по 5 р.; даже по 4 р. за экземпляр, и вы будете иметь от 2 до 2500 рублей, то есть более, чем сколько вам нужно.

Крылов, думая, что за эту массу книг, роскошно изданных, дадут если не по 4, то, по крайней мере, по 2 р., соображая при том, что даже рассчитывая на вес, наберётся почти сотня пудов, не принимая, конечно, в соображение водянистости и тяжеловесности стихов, поблагодарил графа, добыл, чрез графскую прислугу, ломового извозчика и, несмотря на свою обычную лень, препроводил весь этот транспорт на ломовике к Смирдину, конвоируя сам этот литературный обоз от Сергиевской до дома у Петропавловской церкви, на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы.

Но каково было удивление и разочарование Крылова, когда Смирдин наотрез отказал ему в принятии этого, как он нецеремонно и вульгарно выражался, хлама, которым, по словам русского Ладвока, без того уже завалены все кладовые у Оленина. В задумчивости, но не расставаясь со своею флегмой, вышел из магазина Иван Андреевич на Невский проспект, где ломовой извозчик пристал к нему с вопросом: «Куда прикажет его милость таскать все эти книги?»

Смирдин

— Никуда не таскай, друг любезный, — сказал Крылов, — никуда, а свали-ка здесь на улицу около тротуара, кто-нибудь да подберёт.

И все эти 500 книг творения Хвостова были громадною массой свалены у тротуара против подъезда в книжный магазин. Им бы, этим экземплярам книг с «хвостовщиной», пришлось лежать тут долго, если бы вскоре не проскакал по Невскому проспекту на своей лихой паре рыженьких вятков с пристяжной на отлёте обер-полицмейстер Сергей Александрович Кокошкин. Подлетев к груде книг, он подозвал вертевшего тут квартального, удостоверился, что все это творения знаменитого певца Кубры, и велел разузнать от Смирдина, в чём суть. Когда Кокошкин проезжал обратно, книг графа Хвостова тут уже не было: все они, по распоряжению частного пристава, отвезены были, по принадлежности, обратно

Кокошкин

¹Бурнашев, В. П. Наши чудодеи / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 37.

к графу Хвостову, о чём, с пальцами у кокарды треуголки, частный отрапортовал генералу, пояснив с полицейским юмором происхождение этой истории, автором которой был Иван Андреевич Крылов.¹

20.

Державин
Соколов
Шишков

За ужином разговорились о Российской Академии. «А сколько считается теперь всех членов?» — спросил Державин Петра Ивановича Соколова. «Да около шестидесяти», — отвечал секретарь Академии. «Неужто нас такое количество? — сказал удивлённый Шишков, — я думал, что гораздо менее». — «Точно так; но из них, как Вашему Превосходительству известно, находится налицо немного: одни в отсутствии, другие избраны только для почёта, а некоторые...» — «Не любят грамоты», — подхватил Хвостов.²

21.

Крылов

Хотя на водах и запрещено заниматься делами, но всё не худо иметь всегда при себе в кармане *нужные бумаги*. Эта глупость напоминает мне анекдот Крылова, им самим мне рассказанный. Он гулял или, вероятнее, сидел на лавочке в Летнем саду. Вдруг... его. Он в карман, а бумаги нет. Есть где укрыться, а нет, чем... На его счастье, видит он в аллее приближающегося к нему графа Хвостова. Крылов к нему кидается: «Здравствуйте, граф. Нет ли у вас чего новенького?» — «Есть, вот сейчас прислали мне из типографии вновь отпечатанное моё стихотворение», — и даёт ему листок. «Не скупитесь, граф, и дайте мне два-три экземпляра». Обрадованный такою неожиданной жадностью, Хвостов исполняет его просьбу, и Крылов с своею добычею спешит за своим делом.³

22.

Виельгорский

Граф Дмитрий Иванович Хвостов позвал приятелей на обед. Когда все расселись, он сказал:
— Вы меня извините, если обед не совсем удался... Я пробую нового повара...
Граф Михаил Юрьевич Виельгорский, сделав обиженное лицо, произнёс наставительным тоном:
— Впредь, любезнейший друг, покорнейше прошу звать меня на испробованные обеды, и не на пробные!
На другом обеде хозяин решил похвалиться и сказал:
— Теперь поднесу вам вино историческое, которое ещё от деда хранится в нашем семейном погребе.
Виельгорский заметил:
— Это хорошо... Но худо то, что и повар ваш, кажется, употребляет на кухне масло историческое, которое хранится у вас от деда...⁴

¹Бурнашев, В. П. Наши чудодеев / В. П. Бурнашев. — СПб., 1875. — С. 21—24.

²Жихарев, С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. — М.—Л., 1955. — С. 427.

³Вяземский, П. А. Записные книжки / П. А. Вяземский // Вяземский, П. А. Полное собрание сочинений / П. А. Вяземский. — СПб., 1886. — Т. 10. — С. 46—57 (№ 127).

⁴Вяземский, П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский // Вяземский, П. А. Полное собрание сочинений / П. А. Вяземский. — СПб., 1883. — Т. 8. — С. 231.